

Маргарита Шульц

Тайна Паучьей Лилии

Большая игра

Маргарита Шульц

Большая игра

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22367691
ISBN 9785448356063*

Аннотация

Мир наших дней. Спокойная жизнь семьи Розенфилдов. Но так ли на самом деле? Что скрывается за занавесом размеренной жизни? Враг – воплощение тёмной стороны бытия, пробуждается ото сна и вплетает героев в хитрую и жестокую Большую Игру, истоки которой уходят в древнюю мистическую истину о сотворении Вселенной. В мире людей происходят природные аномалии. Алые облака на фоне черной вуали небосвода нависли над городом. Люди удивленно смотрели на кровавые небеса, пытаясь понять суть происходящего.

Содержание

Пролог	7
Глава 1	10
Глава 2	29
Глава 3	44
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Большая игра

Маргарита Шульц

Редактор Анастасия Андрианова

Дизайнер обложки Юлия Шульц

Иллюстратор Евгений Варакин

© Маргарита Шульц, 2017

© Юлия Шульц, дизайн обложки, 2017

© Евгений Варакин, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-5606-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все необычные и загадочные истории приходится заканчивать, когда ответы найдены и смысла в продолжении нет. Но это не случится с повествованием о переплете-

нии чёрной розы и белого ликориса. Таинство этой загадки в многогранности осмысления прочитанного, которое сверкает гранями многоликости словно ненайденный алмаз. И конечно, у каждой истории должен быть рассказчик, очевидец событий. Я предстану Вам в роли наблюдателя и повествователя одновременно. Я расскажу всё в мельчайших подробностях. Я покажу самые потаённые места человеческого разума, ведь мне это по силам, на это у меня есть право. Мои глаза станут вашими. Теперь мы с Вами вместе будем наблюдать за происходящим, раскрывая шкатулку, внутри которой кроется много секретов и самая большая тайна. Вам наверно интересно, кто я такой? Думаю, до поры до времени моя личность останется под флёром таинственности, поскольку так намного интереснее следить за спектаклем, а я очень люблю нечто подобное. И если, вы внимательно читаете историю, которую я вам поведаю, то без затруднений узнаете меня среди остальных героев, ведь я особо не скрываюсь.

Что ж, думаю, самое время поднять занавес! *Nic ego sum, nunc mea vicissim, de venatione mea*¹.

---

¹ Теперь я здесь, теперь мой ход, моя игра (перевод с латинского)

Пролог

В приглушённом свете звонкая песнь цикад, сопровождаемая тихими звуками фортепиано, окутывала пространство. Доносились легкие шаги, шелест парчи, струящейся по мраморному полу. Всё больше персон занимали места за знаменитым овальным столом в тайном совещательном зале. Я тоже среди приглашенных, натянув бесстрастную улыбку, следил за поведением присутствующих. Кого-то я не раз уже встречал здесь и очень хорошо был знаком, но появились и новенькие. Они то и дело удивлённо оглядывались по сторонам, рассматривая необычный интерьер загадочного помещения и пытаясь понять происхождение музыки и света.

– Здесь нет начала и нет конца, а значит и нет каких-либо источников чего-либо, – с благосклонной улыбкой пояснил я новичкам.

– Думаю, это имеет смысл, – отозвался один из вновь прибывших.

– Что ж, все в сборе, тогда начнём, – прозвучал уверенный мужской баритон.

Тихий шёпот в мгновение превратился в полную тишину. Присутствующие с благоговеньем смотрели на элегантного статного Главу, отбрасывающего удлиненную тень. Меня забавляли серьёзные выражения лиц приглашенных, в то время как сам я смотрел на всё происходящее с откровен-

ной улыбкой. Главу не удивляла моя столь неординарная персона, он уже привык к моей роли божественного паяца, но некоторые бросали на меня неодобрительные взгляды.

– Полагаю, вы заметили новых Хранителей. Познакомьтесь с ними позже, а сейчас нам следует обсудить более важные дела. Целостность системы Колыбельной под угрозой! Кто-то намерено пытается снять Печати. Мы должны быть бдительны и не дать свершиться предательству. Вспомните, скольких усилий, скольких потерь нам стоило достигнутое понятие, как хотя бы усыпить Врага.

– Но разве не проще было уничтожить Врага? – спросил один из новеньких.

– Мы предпринимали эту крайнюю меру, – серьезно отозвалась Хранительница Сновидений. – Праздновали победу, решили, что наконец на земле достигнуто равновесие... Но мы еще никогда так не ошибались.

Она сжала кулак и прищурила глаза.

– Появилась Новая, еще более изощрённая, почти неуязвимая. Тогда мы познали печальную истину: Зло никогда не искоренить, его можно лишь ослабить, уменьшить. Поэтому благодаря общим усилиям мы использовали оружие Врага против Неё же самой. Но какими потерями...

На лица присутствующих опустилась скорбь.

– Нас было много, и перевес сил был очевиден, но мы всё равно не смогли одолеть тёмную природу Врага.

Теперь никто не хотел терять близких и соратников.

Тея – Хранительница Сновидений – была высокой девушкой с яркими кошачьими глазами, а её грациозные движения усиливали сходство с кошкой, изящной и независимой. В графичной причёске сверкала замысловатая диадема, украшенная жемчужинами и большим лунным камнем. Она всегда носит лёгкие развевающиеся одежды, перевязанные широким золотым поясом. Тея имеет множество снов, для неё они словно дети. И тогда, в тот роковой день, она потеряла многих из своих детей. Уверен, что она никогда не предаст нас. Но этого я не могу сказать о новеньком с тростью. Он явно нервничает, постоянно оглядывается по сторонам и отводит взгляд. Надо к нему присмотреться...

– Джокер, Совет поручает тебе зачистку. Люди больше не должны соприкасаться с магией, – приказал Глава.

– Будет исполнено! – на этот раз серьёзно отозвался я, почтительно склонив голову.

Глава 1

Доброе утро,...

*И у остывшего Солнца
бывает рассвет.*

***

Звон колоколов раздается эхом в голове молодого человека, насильно заставляя каждую часть его тела напрячься. Казалось бы, сегодня наступил долгожданный счастливый день, и нужно отбросить тоскливые мысли, оставив их позади пройденного жизненного этапа, но почему-то его душа изнывает от необъяснимого волнения, которое перерастает в дисфорию. «Может быть весь этот пышный бал смешанных чувств, по большей части состоящий из тревоги, лишь непринятие страха перед неизведанным...», – мысленно спрашивал он себя, не находя ответа. В очередной раз нервным движением он поправляет галстук. Вот медленно и торжественно распахиваются инкрустированные двери, и вид входящей особы заставляя его затаить дыхание. Белоснежное платье, украшенное жемчугом, сверкающая тиара в каштановых волосах. В её ясных янтарных глазах читается счастье. Она торжественным шагом следует к мужчине. Гости шумно и радостно приветствуют невесту, отмечая при этом изысканный наряд, который подчеркивает ее непре-

взойдѣнную красоту. Священник церемониально призывает скрепить их союз поцелуем. Приподняв кружевную вуаль фаты, молодой человек напряженно всматривается в лицо девушки, будто ища в нём что-то... Вдруг его охватывает смятение, на лице появляются удивление и ужас одновременно. Он резко отпускает из своих ладоней хрупкие руки девушки, и быстрым шагом устремляется к выходу из храма. На ходу срывая галстук и пиджак, он бежит сломя голову, будто пытается скрыться от чего-то ужасного и необъяснимого. Добегает до моста, под которым отчетливо слышны ритмичные всплески воды. Переводит дыхание, успокаивая бушующий огонь в сердце. «Это не она!» – и лишь вода слышит его негодующий крик, унося слова на тѣмное дно...

***

Николас проснулся от собственного крика, пытаясь перевести сбившееся дыхание. В ночной тиши комнаты слышен тихий ход часов. Рядом, положив голову ему на грудь, спокойно спит Ева, на её безымянном пальце поблескивает в лунном свете обручальное кольцо. Всѣ как обычно...

Николас провел руками по голове, убрав назад светлые волосы, и вновь прикрыл глаза в попытке уснуть. Но при таком внезапном пробуждении его разум стал работать только усерднее, и надежда заснуть растворилась как дым. Нашему герою вновь приснилась его свадьба, нет, наяву он вовсе не сбегал с церемонии, как обезумевший. Торжество про-

шло так, как они планировали с Евой. Церемония бракосочетания была наполнена радостью и счастьем. Необъяснимо, почему ему часто снился этот кошмар, он не понимал, как ему вообще может сниться нечто подобное, почему он всякий раз бросал свою невесту, кого он видел вместо неё...

А собственно, что такое сон для человека? Сон – наступающее через определённые промежутки времени физиологическое состояние покоя и отдыха, при котором полностью или частично прекращается работа сознания, именно с таким определением знакомо большинство людей. Отнюдь не отрицаю, так оно и есть, но зачем нужны сновидения? Предостережения? Переработка тревог и сомнений, нерешённых проблем... Версий много, и все они как одна верны.

Николас с нежностью перебирал длинные каштановые волосы девушки. Его душу наполнило тепло, отозвавшееся на лице почти счастливой улыбкой. Но даже такие светлые, нежные чувства не могли побороть его беспокойство. Он ощущал, что забыл, забыл что-то важное...

И пока наш герой приходит в себя, давайте вспомним, каким мы его знаем и получил ли он то, ради чего всему миру пришлось рухнуть... Нет, нет, я никого не обвиняю, люди наивны, и это лишь придает эйфории в *мой* спектакль. Помните, как эти двое шли к мечте? Сколько душевных страданий и боли они испытали, прежде чем обрели друг друга! Но счастливы ли они? Возможно... Потрясённый трагической утратой Алессы, находясь под гнётом вины, что ко-

гда-то отчаянно служил свету искусства, которое, как он считал, сделало несчастными всех, кто был ему дорог, он потерял веру в творчество, в силу фантазии. Его внутренний поэтический свет померк. В следующий виток жизненного обновления Николас вошел совершенно другим человеком. Пытаясь найти покой, ценности в реалиях нынешнего мира, он приобрёл качества прагматика. Теперь он стал серьёзным, довольно успешным и респектабельным взрослым мужчиной. Но где-то глубоко-глубоко в душе, за девятью замками спрятался образ всё того же мечтательного юноши с разбитым сердцем... Но об этом Ник не догадывался, потому что не помнил ни дня из своего прошлого мира... Вот только сон...

По его мнению, все индивидуальные особенности человека от внешних данных до эмоционально-психической функции обуславливались ДНК – макромолекулой человека. И ни в какие чудеса он не верил, считая свой повторяющийся сон «техническим сбоем» организма, не заслуживающего особого внимания.

Но от нерешённых вопросов не укрыться. В конце концов всё равно возвратишься в начало. Все они изменились... Все, кроме одной. Паучья Лилия осталась прежней, она пример стойкости, её не сломил поток негативного опыта, оставив при ней то детское счастье, которое люди со временем теряют. Может, ей это удалось, потому что её истоки не такие как у всех?..

Что-то я заговорился, а между тем, Николас раздвинул шторы, впуская в комнату первые утренние лучи низкого солнца. Привычным движением причесал волосы. Облачившись в классический костюм-тройку – образец подлинного вкуса, он прошёл в свой кабинет. Дубовая мебель, тёмно-синие стены свидетельствовали об основательности и сдержанности. Сам Николас и все принадлежащие только ему вещи были воплощением серьезности. С годами он всё больше посмеивался над людьми, отчаянно вверявшими свои заветные мечты падающим звёздам. «Твоя судьба в твоих руках», вот главный принцип, по которому он строил свой жизненный путь. Так же он никогда не загадывал желания в свой день рождения. Он гордился тем, что не обманывает себя, что если человеку чего-то хочется, то нужно для этого приложить усилия, а не просить желаемое у неведомых сил. Я уверен, если бы Николас вспомнил свои прошлые жизни, вспомнил каким он был неисправимым романтиком, его постигло бы глубочайшее потрясение... В новой жизни Николас стал тем, кем никогда не хотел быть в прошлом – серьёзным взрослым.

Но вернёмся в кабинет. В центре довольно просторного с высокими потолками помещения властвовал письменный стол – квинтэссенция стиля и респектабельности, на котором главенствовал безупречный порядок. В кабинете не было ни одной вещи, находившейся не на своем месте. Как, впрочем, и во всей жизни Николаса. Он быстрым уверенным шагом прошёл к столу, взял свой излюбленный чёр-

ный кожаный дипломат и, не задерживаясь, вернулся к выходу. Он почти закрыл дверь, но остановился, окинув хозяйским взглядом кабинет, удовлетворённо отмечая его идеальность. Спустившись в столовую, он застал там Еву. Жена как всегда выглядела свежей и безумно красивой.

– Доброе утро, дорогой, – сладким голосом почти пропела Ева, едва заметив мужа.

Ник с нежностью легко коснулся её щеки и заглянул в глаза:

– Как ты?

– Чудесно... У тебя сегодня важный день?

– Да, Лилит ещё спит?

– Для неё время раннее.

Ева налила в чашку кофе и подала газету.

Всё как обычно...

Закончив утреннюю трапезу, Николас поспешно накинул пальто и обмотал шею шарфом. Его ждал утренний город, который можно было увидеть сквозь лёгкую бледную дымку зимнего тумана. Яркие огоньки праздничных гирлянд и тематические фигуры пестрили перед его взором, напоминая о приближающемся празднике. Ник равнодушно отвёл глаза от очередной яркой рекламы и погрузился в свои мысли. Скрип снега под ногами лишь добавлял энергии его мышлению. Всё дело в том, что Николас не жаловал праздников, поскольку находил их пустой тратой времени, которое он очень ценил как всякий деловой человек. Дорога в офис занимала

сорок минут и служила своеобразной подготовкой к рабочему дню. Ник намеренно не пользовался по утрам автомобилем, совмещая быструю ходьбу с анализом и планированием текущих дел.

В чем же заключается работа Николаса? Семейный бизнес, сеть отелей «Розенфилд». Но Николасу никогда не льстил тот факт, что он всего лишь продолжатель дела отца, поэтому он так упорно старается вывести бизнес на мировой рынок. В начале своего карьерного пути он подал идею «доступной роскоши». Годами развивая её, он тратил много времени и сил, отработывал выгодные схемы приобретения изысканной интерьерной мебели и аксессуаров для оформления гостиничных помещений. И через время эта трудоёмкая работа принесла плоды в виде собственных инвестиций в новые отели. По мнению Ника, всё должно быть безупречным, а что бы оно таковым являлось на самом деле, нужен строгий контроль, чем он сейчас и занимался. Чем тяжелее ноша, тем больше ответственность. И Николай это прекрасно понимал. Отдел по информационному развитию сообщил новость: сеть отелей самого крупного конкурента в шаге от разорения. Неудивительно, в своем большинстве гости города предпочитали останавливаться в респектабельных, но доступных по цене отелях «Розенфилд». Поэтому сегодня он назначил совещание по дальнейшему распределению капитала. Ник уже знал, где он будет строить самый великолепный отель, осуществляя свою давнюю мечту.

Время было позднее, когда уставший, но довольный переговорами, Николас входил в свой дом, где его ждала Ева, демонстрируя платье изумрудного шёлка, очень гармонирующего с её великолепными каштановыми волосами.

– Я покорён... – Ник протянул руки, и она оказалась в его объятьях.

– Как всё прошло? Я заждалась... – она мягко освободилась, помогая снять пальто.

– Такими темпами мы станем единственной большой сетью отелей в округе. Пора бы уже выйти и на внешний рынок...

Николас, увлеченный рассказом о достигнутых результатах в бизнесе, употреблял непонятные для Евы термины, упоминал незнакомых ей людей, но он искренне надеялся, что она его понимает и разделяет его отраду. Ева осознала, что ему нравится говорить о бизнесе так же, как ей о живописи, поэтому с вниманием продолжала слушать мужа, часто кивая головой в знак согласия. А если он что-то спрашивал или советовался, то отговаривалась общими фразами, а советы были непротиворечащими мнению мужа. Ева считала, что таким образом она показывает, насколько уважает Николаса как человека, и на что готова ради его счастья. Это была их общая игра.

Ева провела мужа в столовую, где был накрыт стол.

– Думаю, это стоит отметить, – весело предложила она.

– А Лилит? – оживленно посмотрев на жену, спросил Ни-

колас.

– Для нее уже время позднее, поэтому спит.

Николас тяжело вздохнул, он чувствовал себя ужасным родителем. Кто же бросает шестилетнюю дочку без внимания почти на неделю...

– Извини, я слишком увлекся работой...

– Ничего, правда. Ты не забыл, что завтра у нас гости? – Ева сделала лёгкий глоток вина.

– Нет, – сухо отозвался Николас.

Она пристально посмотрела на мужа и, понимая улыбку, попыталась скрыть разочарование. Конечно, она догадалась, что он не помнит о приезде родителей, да и не слишком желает, чтобы они приезжали...

В холле струнный бой антикварных часов оповестил, что уже полночь. Думаю, будет уместным уделить особое внимание этому произведению инженерного искусства. Достались часы Николасу от его отца, а ему от деда. Их смастерил прапрадед, Ричард Розенфилд ещё в те времена, когда на наших землях правили короли. Он рассказывал своим потомкам, что у этих часов есть своя история и своя тайна, хотя никто до сих пор не нашел ничего необычного в них, кроме витых колонн по бокам корпуса, между которыми располагалась бронзовая птица, отчасти напоминающая феникса, а под ней – интригующая замочная скважина. Возможно, она хранила в себе секрет, но без ключа ничего не узнать, ключ утерян. Над головою птицы в лунном отблеске сиял

бронзовый небесный свод с надписью: «Cum sampana sonat duodecim...»² Фраза была то ли не дописанной, то ли вырвана из какого-то текста. «Да и могут ли часы пробить тринадцать?» – с иронией прагматика думал Николас. Всю свою жизнь его предок посвятил изготовлению часов, и все они были со своей историей, но секрет в себе таили только те, что сейчас стоят в доме Николаса. Смею заметить, что в доме имеется достаточно антикварных вещей, все они так и манили Николаса в своё время приобрести их, как часть истории той поры. Ева не питала страсти к антикварным вещам. А Николас не разделял её тягу к коллекционированию всевозможных полотен: от самых знаменитых художников до простых карандашных набросков. Уверяю вас, если бы этот дом посетили незнакомые люди, не зная их странностей, то посчитали бы, что оказались в музее.

Николаса уже почти забрал Морфей, как вдруг тишину комнаты пронзил сигнал смартфона. Нажав на кнопку «ответить», Николас услышал громкое «Немедленно приезжай!» и долгие гудки.

– Лютер? – сонно спросила Ева.

– Он самый. И что ему нужно в такое время? – негодуя, Николас вернул смартфон на прикроватную тумбу.

Вновь откинулся на подушку и закрыл глаза. Перспектива на сон испарилась, порождая нервозность. Он стал воспроизводить в своей голове образ старой вазы, приобретённой

---

² «Когда часы пробьют тринадцать...»

недавно, мысль о потерянных ручках вазы успокаивала его.

– Поедешь? – спросил нежный голос, возвращая мысли Николаса к внезапному звонку.

Молодой человек глубоко вздохнул:

– Мне ничего не остаётся, обидится же... Постараюсь вернуться как можно скорее.

Ева понимающе кивнула головой. Она прекрасно знала Лютера, а также знала, что это лучший друг Николаса. Блондин стремительно собрался и рванул машину к лаборатории своего друга.

Лаборатория Лютера располагалась в одном из престижных институтов по исследованию физических свойств времени, здесь он и работал, имея степень доктора физико-математических наук. Но даже с напряжённым рабочим графиком он находил время, обычно это были поздние вечера, на свои личные творческие научные исследования. В жизни молодого профессора действовал лишь один девиз: «Всё во имя процветания науки!» Он был приверженцем неподтверждённой эмпирическим методом теории о множестве³ миров, существующих параллельно друг другу. С беспощадным рвением он хотел найти доказательства, подтверждающие данную теорию. Для этого создавал сложные установки, приборы, которых свет не видывал, но пока они никак не приближали его к заветной мечте.

Войдя в беломраморный вестибюль института, Николас

---

³ мириады – бесчисленное, неисчислимо число

встретился взглядом с охранником, и тот его пропустил, бросив вслед слова: «Опять чудит». Охранник знал Николаса в лицо, и знал, к кому он направлялся. Открыв дверь, Николай ощутил, как на него обрушился яркий белый свет, к которому он через пару секунд привык и уже мог различить фигуру, быстро надвигающуюся на него.

– Наконец ты пришел! – восторженно произнес высокий, стройный брюнет в надетом поверх одежды белом халате.

На него смотрели лучистые и дерзкие синие глаза Лютера.

– Я сделал это! Ты понимаешь, я нашёл!

У Лютера в лаборатории было правило, каждый сюда входящий должен надевать белый халат, что незамедлительно и сделал Николай. Он знал, Лютеру льстит, что все выполняют его правило, тем самым давая ему возможность чувствовать себя великим ученым, имеющим свою команду.

– Да успокойся ты, радуешься непонятно чему, как дитя малое, – Ник сразу дал понять своё недовольство.

– Сам посмотри!

Лютер подошёл к одной из громадных установок и нажал определённую комбинацию кнопок на кодовой панели, после чего сработала защита от перегрузки в линии электросети, оставив двоих в кромешной тьме. Николай хотел воспользоваться моментом и съязвить: «Ой, кажется я ничего не вижу», но в следующий миг свет появился, а на ранее незамеченной им алюминиевой платформе появилась дверь из белого массива со странным орнаментом, который будто бы

от силы времени стерся в некоторых местах, оставив после себя бессмысленные черные линии. От увиденного в глазах Николаса появился неподдельный интерес к диковинному предмету.

– Ты видишь это! Я нашел её!

Лютер словно обезумевший тряс Николаса за плечи и то и дело указывал пальцем на дверь, а потом хватался за голову и начинал ходить кругами. Николас заглянул в синие глаза своего друга и подумал про себя: «Безумные люди повсюду!» Затем оценивающе посмотрел на дверь.

– Дверь как дверь, – скептически отметил он, выпрямившись.

– Неужели ты не видишь, это не просто дверь. Посмотри!

Лютер присел рядом с дверью и провел рукой под ее основанием, и лишь тогда Ник заметил, что рука профессора свободно перемещается. В эти минуты Николас пытался объяснить сей феномен, но «безумный» ученый вновь заговорил:

– Она парит, представляешь, парит в воздухе! Это очень сложно объяснить! Этим я занимался последние годы! Попробую вкратце: наш человеческий глаз заточен под определенную спектральную частоту видения, это примерно как радио на определённой волне, ты можешь послать звуковое сообщение, но другой человек, не зная условий радиоволны, никогда не услышит отправленную информацию. Если сканировать все волны, то можно услышать лишь радишум. Я очень долго искал спектр частот для восприятия зрением

видения предметов параллельных действительностей. И эта дверь – сенсация!

– А что за ней? – спросил блондин, удивленно подняв брови, стараясь хоть как-то логически объяснить себе явление парящей двери.

– Могу предполагать... ещё рано делать заявления и выводы, нужно провести ряд исследований, собственно для этого я тебя и позвал.

– Хочешь, чтобы я вошёл? – скептически спросил Николас, строя в голове возможные варианты развития событий за порогом странного объекта.

– Ну да! – всё так же восторженно отозвался ученый.

– А сам почему не пойдешь? Да и зачем мне рисковать?

– Да, я бы с радостью, но должен вести в реальном времени контроль над установкой, анализируя данные со сканирующих устройств. За безопасность не беспокойся, я всё подготовил.

Лютер протянул некий браслет.

– Надень, так я смогу контролировать твоё состояние. Если что-то пойдёт не так, то нажми эту кнопку на браслете, и ты вернёшься в модуляцию пространства до порога, то есть назад.

Николас с обречённым видом надел на руку браслет и ещё раз окинул взглядом парящий в воздухе предмет. Открыв дверь, первым что он ощутил, был хаотичный бег мурашек по шее. Там, за дверью, зияла темнота, отдаваемая жутким

холодом. Воображение до того разыгралось в голове Николаса, что ему казалось, будто сама тьма смотрит прямо в его глаза... «Если долго смотреть в бездну, то бездна начинает смотреть на тебя» – Ник непроизвольно процитировал Ницше. Поборов в себе страх, он сделал короткий шаг вперёд и закрыл глаза. Николас почувствовал, как падает вниз, он сравнил себя с Алисой из сказки Кэрролла. Он уже пожалел о том, что согласился на эксперимент, как вдруг ощущение падения пропало. Он вновь почувствовал опору под ногами. Неожиданно для себя, Николас оказался в роскошной комнате, уставленной дамастовыми пуфами, секретером с хрустальными ручками, рельефной софой, дорогими вазами с цветами, известными, наверное, только его сестре. Изысканные драпировки тафты портьер придавали экстравагантности помещению, а ленты и бахрома приносили утонченность и гармонию. Переведя дыхание и осмотревшись, Ник обратил внимание на канделябры из светлой полированной латуни, освещающие большую картину, обрамленную в восхитительный серебряный багет. Изображение на картине было не менее ошеломляющим: девушка, сидящая в кресле напротив зеркала. Николас не считал себя любителем искусства, но сейчас его яркие голубые глаза горели от интереса и пытались уловить каждую мелочь в картине и запечатлеть её в памяти. Он заметил в отражении нарисованного зеркала силуэт девы, но не той, которая сидела в кресле, мирно прикрыв глаза. В зеркале силуэт стоял,

как бы наблюдая за спящей девушкой. Рядом с зеркалом гармонично вписалась керамическая, покрытая бежевой глазурью, ваза, в которой грациозно царили чёрные розы, верхняя часть лепестков которых была окрашена в красный цвет. Казалось, художник указывал на трагедию, что прячется в цветах. Далее пристальный взгляд Николаса приковала изящная кровать, отделанная шёлком, с резным изголовьем из серебра и лёгким прозрачным балдахином. Там, среди роскоши, лежала девушка и мирно спала. Ужас охватил Николаса. Он был здесь не один... Невзирая на страх, он подошел ближе, дабы разглядеть спящую. Его лицо побледнело, застыв в ужасающей гримасе.... Там в белых постелях спала его жена! Я говорю «его жена», с оговоркой. Девушка отнюдь не имела точного сходства с той, с которой он попрощался час назад. У этой девушки были длинные красные волосы, да и выглядела она моложе, но Николас сердцем чувствовал, что это Ева. Вдруг его посетила мысль о том, что Лютер прав, и эти его параллельные миры существуют. Но вскоре он вновь пришёл к мысли, что такого быть не может. Но тогда что перед ним? Николас почувствовал, как его голова начинает раскалываться от такой алогичности и, заставив себя не думать о том, где он находится, а просто всё осмотреть, направился дальше бродить по загадочному пространству. Открыв очередную дверь, он оказался в длинном коридоре. На полу простиралась ковровая дорожка, а по сторонам обеих стен стояли различные скульптуры человеческих извая-

ний. Слева находились исключительно мужчины, они протягивали руки скульптурам-женщинам справа.

Коридор был широким, но всё равно казалось, что эти каменные руки вот-вот дотронутся до него. Вскоре скульптуры закончились, а сам коридор сузился. Николас увидел ещё одну дверь, и открыв ее, он почувствовал легкий ветерок с нотами аромата вишни. Эта комната была с выходом на террасу, куда распахивались стеклянные двери. На полу опавшие лепестки цветков вишни заменяли ковер. Он заметил, что стены комнаты были увешаны портретами юной девушки, вновь похожей чертами лица на его жену. Лишь одно место у стены оставалось свободным от портретов, поскольку там стоял массивный книжный шкаф. Ник провел рукой по стопке книг: ни пылинки. Краем глаза он оценил небольшую библиотеку, книги по философии и прочим наукам. «Могу с уверенностью сказать, что обладатель этой комнаты и я стали бы хорошими друзьями» – решил про себя Николас. «Но если бы этот некто стал рассказывать мне об искусстве живописи, то мы бы стали хотя бы собеседниками», – продолжил он свою мысль. Ник заметил среди этих нескончаемых картин неприметную дверь, уже почти повернул дверную ручку, как почувствовал в сердце ту самую, изводящую его тревогу. Решив, что на сегодня открытий достаточно, Николас возвратился в самую первую комнату, откуда начал своё путешествие. Неизвестная девушка всё так же мирно спала. Беспокойство и тревога заставили уверенным

движением повернуть ручку двери и вернуться в свой собственный мир.

– Ну, что ты там видел? – нетерпеливо выпалил Лютер.

– Думаю, надо ещё раз как-нибудь пойти туда и всё хорошенько осмотреть. А сейчас я возвращаюсь домой.

На удивление, Лютер и слова не сказал, видимо пытался осознать правдивость слов Николаса. Странно и маловероятно, но его друг-скептик изъявил желание отправиться ещё раз в неизвестность!

Глава 2

Стержень

Куда падёт твой мнимый гордый взор?

В камине уютно потрескивали дрова. Лакированный, с редкой деревянной резьбой портал камина был украшен ангелами по бокам и надписью между ними: «Oh, dim light you shine our way»⁴. Если повернуть правого ангела на запад, то открывался потаённый ящик, в котором хранились важные документы семьи. Вообще, все вещи в доме Розенфилдов были необычными, с особенкой. Над камином располагалось большое полотно с видом на романтический белый балкон, утопающий в зелени растущих рядом деревьев, уставленный вазами с пышно цветущими пионовыми розами. Николас часто признавался себе, что сколько бы раз не смотрел на эту картину, ровно столько же оставался в замешательстве. А всё из-за того, что балкон и цветы выглядели как живые, очень реалистично привлекательными, и только декоративная мраморная рама картины останавливала ощущение жизни, настаивая на том, что это всего лишь работа кисти художника. «Обман...», горько думал Ник, всматриваясь в буйство красок. Наверное, поэтому он запретил себе

---

⁴ О, тусклый свет, наш путь, ты, освети

рисовать и старался по возможности не касаться этой темы. Гости, по большей части родители Николаса и Евы, либо семья Ливингстон, тоже попадали под волшебные чары этой необычной картины, оставаясь в недоумении, когда хотели прикоснуться к нежным лепесткам роз или вдохнуть их аромат.

За большим обеденным столом собралось два поколения Розенфилдов. Велась неторопливая беседа, но Николаса она не интересовала, мысленно он строил планы на завтрашний день, выбирая из длинного списка оперативных дел наиболее актуальные. Под столом сновал белый кот, которого хозяин дома терпеть не мог, впрочем, эта неприязнь была взаимной. Николас вообще не жаловал животных. В доме Широ появился несколько лет назад в качестве подарка Анны, сестры Евы. И если Еве и Лилит пришелся по душе пушистик, и они крепко к нему привязались, то Николасу ужиться с ним было не суждено... Занятый своими мыслями, Ник не сразу включился в разговор, но, поймав вопросительный обрывок речи матери, догадался, о чем его спрашивают. Изабелла Розенфилд, неизменно элегантная и совершенно не подвластная времени, смотря на сына своими яркими голубыми глазами, сладко интонируя и поигрывая браслетом на холеной руке, спросила:

– Никки, дорогой, почему такой задумчивый? Что нового на «полях» бизнеса?

Николас поправил ворот рубашки, как бы успокаивая се-

бя от нахлынувшего молниеносного дискомфорта, который он ощутил вслед за детским обращением матери. Он придал лицу благожелательный вид и с улыбкой повернулся к ней:

– Меня сейчас интересует земельный участок рядом с карстовой пещерой, по оценкам специалистов весьма интересный вариант для строительства нового отеля. Планирую поехать туда и лично оценить перспективы возврата инвестиций.

– Ты конечно молодец, но не переусердствуй, – отметил Винсент с присущей ему строгостью в голосе.

– Я ведь всего лишь продолжаю твоё дело...

– Кто бы мог подумать, что через каких-то пять лет пара отелей превратится в перспективную сеть! Ник, не забывай, что двадцать семь – это всё ещё молодость, не стоит так спешить. – Винсент похлопал сына по плечу.

Ева внимательно посмотрела на мужа, она понимала, о чём говорит Винсент. В следующий момент в столовой повисло тягостное молчание. Но вот прозвучал спасительный телефонный звонок, благодаря которому Николас, извиняясь, ретировался в свой кабинет. За спиной он услышал ещё один упрёк в свою сторону. Отец сетовал на то, что Ник много времени посвящает бизнесу и мало внимания уделяет семье. Но самого Николаса это мало волновало, потому что он считал себя достаточно взрослым человеком, уверенно шагающим по жизненному пути, способным правильно расставлять приоритеты. Конечно, Николас понимал, что вся

это родительская забота естественна, что они переживают за его образ жизни, хотят его видеть счастливым. Но они не могли знать, что сын давно уже не нуждается в родительском контроле, и их любовь тяготит его сердце, что с годами он всё больше закрывал свои чувства и не давал им волю, что он во многом разочаровался, тем самым перестав верить в бескорыстие. Ник понимал, что становится эгоистичным и непреклонным, но ему было комфортно так жить.

Закончив телефонный разговор, Николас спустился в гостиную. В центре зала царствовало фортепиано из красного дерева, на пюпитре располагались открытая нотная тетрадь и ручка, листы тетради были чисты, и казалось, будто к ним не прикасались с того самого дня, как приобрели. Николас давно не играл на фортепиано, и уж тем более не сочинял новых мелодий. Но Ева периодически откладывала свою скрипку и начинала перебирать клавиши, стараясь играть в присутствии мужа, ненавязчиво приглашая его к инструменту в качестве аккомпаниатора. Ник знал, что Ева питает надежду на то, что именно таким образом у неё получится вернуть того прежнего Николаса, которого она знала ещё пять лет назад, она надеялась, что муж станет прежним... Вспомнит дни, когда они вместе музицировали на семейных торжествах, и им аплодировали восхищенные гости. Но то время прошло, и сейчас у Николаса не было ни малейшего желания что-либо менять в своей жизни или возвращаться к прошлым увлечениям музыкой и живописью. Ева это по-

нимала, но не хотела сдаваться и, пребывая в плену иллюзий, испытывая горькое сожаление от неотвратимости перемен, произошедших с любимым, продолжала свои тщетные попытки вернуть улетевшее счастье.

Обогнув музыкальный инструмент, Ник подошел к сестре, уютно расположившейся на просторном диванчике. Кэсседи, не отрываясь, смотрела на большой экран смартфона, словно чего-то ждала и не хотела пропустить.

– Что смотришь? – спросил её Николас, присаживаясь в рядом стоящее кресло.

Она не сразу обратила внимание на брата, но через мгновение медленно повернула голову в его сторону. Её некогда красные глаза с годами стали светло-голубыми. На долю секунды в них появился некий огонёк, но почти сразу пропал, и на его место заступил задумчивый взгляд, присущий всем Розенфилдам. Белоснежные волосы, поднятые вверх и закрепленные цветной резинкой в хвост, обнажали молочную кожу девушки и татуировку на спине в виде созвездия Кассиопеи. Кэсс выглядела спокойной и умиротворённой, но Ник безошибочно ощутил скрытый вихрь захлестнувших её эмоций. Прошу заметить, что Николас не в первый раз подмечает такое за Кэсседи, он был уверен, что сестра пытается скрыть от него свои настоящие чувства, но не понимал зачем... Хотя, покопавшись в себе самом, приходил к выводу, что он такой же и, если Кэсседи так комфортнее, то пусть будет так.

– Скоро трансляция премьеры песни группы Redemption, если хочешь, можешь тоже посмотреть, – она остановилась, будто решала какой-то вопрос в своей голове, затем вздохнула и выпалила: – солистка их группы – мой идеал, к которому я хотела хотя бы приблизиться в области музыки.

У семнадцатилетней Кэсседи было достаточно много увлечений: собственная оранжерея, собственная музыкальная группа и клуб астрономии, который она организовала сама без посторонней помощи. Кэсс успевала везде, отдавая увлечениям всё свое свободное от учебы время. Николас верил, что его сестра достигнет больших высот в жизни, потому что в способностях и целеустремленности ей не было равных. Но также он опасался, что скоро Кэсседи всем этим пресытится, сегодняшние увлечения станут для неё милым воспоминанием или досадным разочарованием, с ней произойдёт то же, что когда-то случилось с ним. И всё-таки, Ник надеялся, что у его сестры сложится всё по-другому, что она пройдет по жизни легко и красиво, а самое главное, будет довольна собой и вовремя остановится в погоне за мифическим успехом. «Она не я, и ошибок моих, надеюсь, не совершит» – пронеслось у него в голове.

Телеведущий объявил о премьере песни, и Кэсседи затаила дыхание. На экране появилась молодая девушка: длинные каштановые волосы, женственная фигура в стилистической кожаной одежде с металлическими элементами. Солистка взяла в руки микрофон, музыканты сыграли рит-

мичное зажигательное вступление, и вслед за этим разлился проникновенный меццо-сопрано. Николас пытался вникнуть в смысл слов песни, краем глаза наблюдая, как Кэсседи с воодушевлением подпевает. Уловить хоть какой-то смысл Ник так и не успел, лишь отметил про себя, что у певицы по-настоящему приятный необычный вокал, сопровождающийся красивой ритмичной мелодией и манера исполнения захватывающая, если не сказать магическая. Но всё это было так далеко от Николаса, он так давно не сидел перед экраном, не слушал музыку и тем более современных исполнителей, так давно не открывал сердце прекрасному! И сейчас, вдруг, необъяснимая жгучая тоска наполнила его. Ник повернулся к сестре и с не поддельным интересом спросил:

– И о чём эта песня?

– Неужели ты не понял? Хотя, это ожидаемо...

Она говорила спокойно, монотонно, при этом в воздухе носилось с трудом сдерживаемое негодование, и Ник это почувствовал. Между ними нависла тишина. Они совсем разучились непринужденно общаться как раньше, когда Кэсседи была маленькой... Что-то мешало ей делиться с братом своими мыслями и мечтами. Ник тяжело вздохнул, подыскивая подходящее выражение, и вдруг услышал:

– Совсем скоро в нашем городе пройдёт их концерт, и я бы очень хотела там оказаться... – тихо, как бы между прочем, произнесла Кэсс.

На душе Николаса полегчало, вот оно! Вероятнее всего,

группа Redemption поселится в отеле «Розенфилд». И тогда представится счастливый случай познакомить сестру с солисткой. Мысль об этом его определённо обрадовала, поскольку прибавляла ещё один плюс к высокому рейтингу популярности его отелей, а заодно давала возможность порадовать сестрёнку. Сейчас он ничего ей не скажет, пусть это будет сюрпризом.

– Кстати, как успехи в клубе? – повеселевшим голосом спросил Николас.

– Завтра будем следить за ночным небом за городом. И мы с ребятами участвуем в школьном фестивале с новой песней, придёшь? – поглаживая белого кота, в ответ оживилась Кэсседи.

– Не обещаю, но постараюсь. – Ник ласково поцеловал её в лоб.

После ухода родителей и сестры Николас облегчённо вздохнул: наконец исчезнет напряжение, которое его преследует всякий раз во время семейных встреч. Вдруг он заметил странное действо: Лилит стояла напротив зеркала рядом со старинными часами и пристально вглядывалась в своё отражение. Лицо девочки было сосредоточенным и очень серьёзным, а взгляд полностью отрешённым. На секунду у него даже дух перехватило от увиденного, ведь раньше он такого не замечал за своей дочерью. Легкая ладонь легла на его плечо, и Ник услышал тихий тревожный голос Евы:

– Это не в первый раз...

Николас бесшумно подошел к Лилит, всматриваясь в отражение.

– Лили, что такое? – осторожно спросил он.

Услышав слова отца, шестилетняя девочка резко вздрогнула, поправила подол своего нежно-розового платья и посмотрела на Николаса большими янтарными глазами.

– Ничего, – спокойно ответила она.

– Почему же тогда ты так долго смотрела в зеркало, что там такое?

– Правда, папочка, там ничего нет кроме моего собственного отражения.

Девочка пыталась скрыть взгляд, что ещё больше подтверждало странность её поведения.

– Может она видит призраков? – шёпотом предположила Ева.

– Исключаю, что такое возможно. А когда у неё это началось?

– Месяца два назад, после её дня рождения.

– И ты мне об этом не говорила! – повышая тон, упрекнул Николас.

– Прости, что не сказала, просто ты был занят работой... – промолвила Ева так, будто боялась сказать лишнее.

– Послушай, конечно, сейчас я весь в работе, но что может быть важнее семьи... Надо за ней понаблюдать или посоветоваться с Лютером...

Он обнял их обеих, поцеловал, почувствовав, как дороги

ему эти две женщины: маленькая и большая.

Утро любого выходного дня у Николаса проходило неизменно одинаково, и это утро не было исключением. Он вновь провел свой обряд: обогнул письменный стол в кабинете, собрал дипломат и, окинув взглядом кабинет, закрыл за собой дверь. Сегодня ему предстояло направиться в другой конец города...

Время приблизилось к вечеру, поэтому людей, стремящихся попасть на экскурсию в пещеру, было немного. Николас считал необходимым для себя побывать в диковинной местной достопримечательности и посмотреть собственными глазами на то, что будет привлекать будущих клиентов отеля. По словам экскурсовода, в глубине пещеры есть озеро, над которым открывался ровный гладкий купол, уходящий в открытое небо.

– Только представьте, каково это – смотреть на звёзды из-под земли! – восторгалась одна девушка, выходящая из пещеры.

Купив билет, Николас поспешил войти в то место, которое люди называли незабываемым. Разноцветные подсветки делали сталактиты яркими и необычными, придавая теням на стенах причудливые формы. Несколько минут плутания, и он достиг того самого подземного озера. «Красиво, но ничего особенного в этом нет! Обыкновенная вода, столь же обыкновенная, как и вода в стакане, за исключением отражения неба, это слегка завораживает...», размышлял Нико-

лас, вглядываясь в высоту купола. Краем глаза он заметил девушку. В руках она держала немалых размеров фотоаппарат, видимо профессиональный, делая снимки с разных ракурсов. Девушка снимала всё подряд, подземное озеро, открывающийся небосвод и многочисленные сталактиты. Что-то знакомое в фигуре девушки заставило Ника внимательнее взглянуть в посетительницу. «Каштановые волосы, уложенные в сценическую причёску, вытянутая стройная фигура... Как она сюда попала?» – мысленно спросил себя он, приблизившись к девушке. Вопреки рассудку, его рука машинально потянулась к ней и легла на плечо. Незнакомка обернулась. Наверное, это пещера со своей игрой теней и света так подействовали на Ника, но на долю секунды ему показалось, что перед ним его жена. Точнее, у него возникло такое чувство, будто здесь находился её двойник, отличающийся лишь стилем одежды и одной важной деталью: у незнакомой девушки были лиловые глаза. Убедившись, что это не Ева, Николас с облегчением вздохнул и, убрав руку с плеча, попытался стандартной фразой уладить это недоразумение.

– Извините, я обознался... – начал Николас.

– Ничего, с кем не бывает, – добродушно ответила девушка.

Она улыбнулась, а в его памяти яркой вспышкой возникло то самое выступление, которое вчера ему показывала Кэсседди: «Эта внешность... Этот голос...»

– Вы, случаем, не солистка группы Redemption? – спросил

он незнакомку.

– Да, а Вы, наверное, фанат нашей группы, сейчас-сейчас, я дам автограф...

Она начала что-то искать в своей маленькой сумочке, а Николас понял, что сейчас между ними вновь произошло комичное недопонимание.

– Нет же, я вовсе не ваш фанат. Я слышал Вас всего один раз и поверьте, мне понравилось, у вас отличный голос, но вот не люблю я такую музыку. Зато моя сестра обожает Вас и страстно желает попасть на Ваш концерт.

– Вот как, буду рада её видеть. Вы говорили, что такая музыка Вам не по душе, а что же тогда Вы слушаете?

Мысленно он стал перебирать варианты ответа, не находя нужного продолжения их столь нелепого диалога...

– Красиво, не правда ли? – произнесла девушка, разорвав неловкую паузу.

Она сфокусировала фотоаппарат, и Николас услышал тихий щелчок. На лице певицы появилось восхищение от созерцания звёздной водной глади.

– Если честно, то не вижу здесь ничего особенного, – без особого интереса произнёс Николас, после чего почувствовал на себе осуждающий взгляд.

– А я вижу! – воскликнула девушка.

– Посмотрите! – она указала рукой на другой берег озера. – Создается ощущение, будто лунный свет играет на зеркальной поверхности озера, его лучики танцуют друг с дру-

гом, а отражающиеся звезды притягивают их к себе и, поглощая, утягивают на дно... Это так красиво и немного печально.... А это небо, вечно бы смотрела на него...

«Фантазерка...» – пронеслось в голове Ника. Он не мог понять, как можно видеть танцующие лучики в воде. Он их явно не видел... И опять Ник подумал о сестре, интересно, а Кэсседи так же, как и эта девушка, восхищалась бы пещерными картинами, созданными самой природой? Он боялся признаться даже себе самому, что не хочет видеть сестру, похожей на него, не хочет, чтобы она стала таким же прагматиком и скептиком.

– Извините, что-то я разговорила. Предлагаю познакомиться, – радушно обратилась девушка к Николасу, протягивая руку.

– Алесса.

– Николас, Николас Розенфилд, – гордо ответил он, слегка пожав тонкую руку новой знакомой.

– Случайно не Вы ли владелец отелей «Розенфилд»?

– Да, так и есть.

– Удивительно... Вот моя визитка, буду рада, если Вы найдете для меня самый лучший номер. Мне пора, приятно было познакомиться.

Она пристально посмотрела в глаза Розенфилду, приятно улыбнулась, махнула рукой и лёгкой походкой пошла к выходу. Николас остался, чтобы привести свои мысли в порядок и успокоиться после такой необычной встречи. Он был ещё

под впечатлением от поразительной схожести новой знакомой со своей женой. И как всегда, когда надо поразмышлять, Ник поднял голову к небосводу. Только смотря на небо, он находил ответы, только небо умиротворяло его и воодушевляло, придавая силы и твёрдости духа. Сейчас небо почему-то посылало ему мысли о собственной свободе. «Но что есть свобода? Свободен ли я сам? Могу ли быть полностью свободен?» – спрашивал он себя.

Дома Ник внимательно всмотрелся в лицо жены, но не стал рассказывать о своем случайном знакомстве с её двойником.

– Ева, что для тебя свобода? – спросил он жену в надежде на освобождение от бессмысленных, не приводящих ни к чему размышлений.

– Свобода? Ну, наверное, возможность бросить всё и делать что захочется, хотя, настоящей свободы я никогда не чувствовала... Есть свобода, которая придаёт стремления в жизни...

– Но разве такой свободой достигается настоящее счастье! Счастье мимолётно, оно не вечно. Именно из-за вечных поисков таких несуществующих истин, как эта свобода, мы, люди, часто сбиваемся с пути. Ничего не бывает вечного...

– Значит, твоя любовь тоже не вечна? – напряжённо спросила она, отведя взгляд.

– Это другое, – резко ответил он, чувствуя, что сказал не то, чего хотела бы услышать Ева.

– Знаешь, иногда я совершенно тебя не понимаю, как жаль... – сдерживая слезы, она прошла мимо него, обдав холодком своих прекрасных глаз.

«А я не понимаю тебя», – хотел он сказать ей, но сдержался, продолжая внутренний монолог: «Бывает, что я вообще не понимаю Еву, словно мы с разных планет, а то и галактик. Смотришь на нас и думаешь, как такие разные люди могли сблизиться... Но все же я её люблю, а она любит меня, а значит, мы уже и не такие разные. Поэтому быть вместе мы вполне можем... Тогда почему у нас такие различные взгляды на жизнь? Я давно знаю её, ещё со средней школы. Сильная, спокойная, верная, она никогда не сомневалась в выборе своей любви... талантливая и всегда знающая, чего хочет сама, к чему стремятся её сердце и душа... А я? Каким был я и кем стал сейчас?... Знаю ли я, чего хочу?» Ник погрузился в воспоминания того времени, когда его и Еву называли родственными душами...

Глава 3

Обыденность

Быстрый ход секундной стрелки. Будильник заведенный на семь тридцать. Беглый завтрак за просмотром новостей. Свежая рубашка, застёгнутая под галстук, строгий костюм – доспехи делового мужчины. Запах нового дня. Хотя разве может день чем-то пахнуть? Маленькие облачка, поднимающиеся от дыхания прохожих. Озабоченные лица в толпе. Проносящиеся автомобили. Рой отрывочных фраз, звуки музыки из чьих-то наушников. Торопливые шаги по лестнице. Тихий шелест бумаги. Звук ставящегося штампа. Привычный стук клавиатуры. Утреннее совещание. Горячий кофе, принесённый секретаршей. Звук упавшей ручки. Кипа документов, которые нужно изучить. Летящий в урну комок смятой бумаги. Очередной горячий кофе. Очередной звонок. Щелчки манипулятора. Жужжание принтера. Снимающая напряжение тишина. Сизое зимнее небо в легкой газовой дымке. Искренний смех детей, бегущих по аллее. И лишь подумав о том, что мысли этих детей полны ярких надежд и мечтаний, Николас почувствовал... Стоп, ничего он не почувствовал. Распродажа в книжном магазине. Рождественские песни из динамиков. Городской шум и суета в преддверии праздников. Холодная слякоть под ногами.

Одиночество. Свобода? Любящая семья дома. Тепло. Уют, но всё равно одиночество. Телефонный звонок. Повторяющийся изо дня в день график запланированных событий. Будильник, заведённый на семь тридцать. Сегодня у Николаса был очередной хороший день...

Глава 4

Давно не виделись,...

И не увидишь ты в ней былой меланхолии...

Сегодняшнее воскресное утро Николаса ничем не отличалось от предыдущего. Во время просмотра новостей мелькнувшее сообщение о новом научном открытии и напомнило ему об обещании, данном Лютеру. На самом деле Нику было интересно узнать, что за странный феномен произошёл с ним в лаборатории, поэтому он спешно отправился к другу в институт, уверенный, что найдёт его на рабочем месте. Шагая по длинному коридору в направлении лаборатории, Николас обратил внимание на девушку, идущую ему навстречу, точнее, на её розовые волосы. Засмотревшись, не заметил, как траектория его пути пересеклась с траекторией движения этой юной особы. Тетради звучно упали на пол из рук незнакомки. Одна из них раскрылась, и Николас смог разглядеть зарисовки комикса. Мужчина, извинившись, помог девушке собрать тетради, мысленно находя довольно странным присутствие экстравагантной личности в таком серьёзном заведении. Молодая особа тихо поблагодарила его, поправила очки и невозмутимо продолжила свой путь. Через несколько минут Николас добрался до лаборатории своего

друга. Открыв двери, первым делом увидел Лютера, погружённого в мыслительный процесс и спящего в таких случаях из стороны в сторону. Его белый халат развевался словно парус. Собственно, было бы странно, если бы он просто мирно сидел на месте. Лютер мог сосредоточенно думать, только находясь в постоянном движении. Наконец, заметив друга, он на секунду остановился и попросил его подождать в обители Гения. Так молодой профессор называл свой кабинет, в котором скромно ютились бордовый кожаный диванчик, пара кресел и круглый стеклянный столик, заваленный всевозможными чертежами. Остальную же часть большого и светлого помещения занимали стеллажи цвета вишни, заполненные тематическим инструментарием и редкими изданиями по физико-математическим исследованиям. По всей длине стен висели какие-то непонятные схемы вперемешку с портретами великих древних и современных ученых, среди которых было немало известных физиков. Именно здесь Лютер подпитывал свой оригинальный ум и оттачивал научные идеи. Без лишней скромности он называл это место обителью Гения, то есть его самого. Что ж тут скажешь, как и все учёные, Лютер был не лишён известной доли мании величия, но, в отличие от остальных, чувство юмора ему было не чуждо. Именно это и делало его самим собой.

Войдя в кабинет, Николас встретился с взглядом зелёных глаз редкого оттенка оливы. Тёмные волнистые волосы, зачёсанные по моде. Это был Оливер, один из самых лучших

студентов Лютера, которого он в хорошем настроении называл коллегой. Он полностью разделял научную точку зрения своего наставника и пользовался исключительным его доверием. Поэтому Николас не удивился, увидев Оливера в кабинете друга. На лице студента играла открытая лучезарная улыбка. Эта неповторимая улыбка часто сбивала с толку малознакомых людей, считающих Оливера немного странноватым, хотя и очень симпатичным молодым человеком. Им казалось, что парень улыбается беспричинно. Многие из окружения Оливера считали его очень витальным человеком, все удивлялись его позитивному отношению и безграничному стремлению к жизни. «Наверно, это всё юность, а может последствия необычного врождённого дара?» – думал про себя Николас.

Оливер обладал синестезией – цветным слухом. Иногда он развлекал друзей, рассказывая, в каких тонах видит их голоса. Это довольно забавно, но и довольно необычно. Сам Оливер никогда не распространялся на тему своего умения, был скромн и сдержан. И только всего один раз его задело равнодушие, с которым отнеслась к нему Кэсседи, когда он впервые описывал цвет её необыкновенного голоса. Оливер всё ещё помнил, как девушка безразлично посмотрела на него, вздохнув, удалилась прочь... «Светло-голубой, словно летний дождь», – вспоминал сейчас юноша и в его глазах появилось что-то, похожее на отчаяние... Но тут в кабинет вошел Николас, и глаза Оливера вновь загорелись ис-

крами жизнелюбия, которое излучают обычно дети.

– Вновь тратишь своё время на безумные эксперименты Лютера? – спросил Николас, пытаясь не попасть под влияние улыбки Оливера.

– Я вовсе не трачу время, мне нравится быть полезным профессору, – учтиво ответил студент, подавая руку для приветствия.

– Кстати, я слышал, что в прошлом Вы отлично рисовали и музицировали на фортепиано, Вы и сейчас занимаетесь своим хобби?

Такого вопроса Николас никак не ожидал...

– Нет, уже нет... Думаю, что в жизни надо тратить время на более материальные вещи. – Сухо ответил мужчина, скрывая свое замешательство.

– Правда? Я запомню Ваши слова. – Оливер усмехнулся и неожиданно резко продолжил:

– Так Вы совсем отказались от искусства? Или это искусство отказалось от Вас?

– Я даже не знаю, что тебе ответить... – растерянно отозвался Николас, при этом мысленно ругая себя за то, что позволил застать себя врасплох.

В разговоре появилась долгая пауза, во время которой Николас никак не мог собраться с мыслями и достойно ответить этому юнцу. Как же так? Почему уже много лет он даже не притрагивается к кистям и клавишам? Николас вспомнил то скверное чувство, которое накрыло его однажды, и уже

никогда не отпускало. Он вспомнил, как, ведомый желанием погрузиться в мир звуков живой музыки, подошел к фортепиано, как вдруг в его сознание ворвался страх, этот страх поглотил все его светлые чувства, всю его любовь к прекрасному, навязав болезненную неприязнь и раздражение. Теперь любая мысль о том, чтобы взять в руки кисти и отдаться творческому порыву, вызвала отторжение. Его сознание деспотично противилось его желаниям. Вскоре Николас свыкся с этим состоянием, и выдумал себе теорию о том, что вовсе не любит искусство. Как всё легко и просто! Надо только внушить себе, и ты становишься совершенно другим человеком.

– Кэсседи всё ещё не обращает на тебя внимания? Почему бы тебе просто не поговорить с ней? – разорвал тишину Николас, пытаясь скрыться от своих горьких размышлений и хоть чем-нибудь задеть этого провидца в отместку за то, что заставил снова вернуться в прошлое.

– Боюсь, что ничего не выйдет.

– Могу помочь советом: скоро концерт её любимой группы, и Кэсс хочет на него попасть, купи билеты и пригласи её, думаю это будет хорошим началом, – сменил гнев на милость Николас.

– Спасибо за совет, – оживился Оливер, снова вернув свою благодушную улыбку.

– Ты прости Кэсс за её холодность, такая уж она...

Оливер лишь усмехнулся, Ник не мог знать, что именно

это и привлекало его в Кэсседи... Выражение лица Оливера снова отразило тень грусти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.